

С. М. Абрамзон

**«СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»
В НАЧАЛЕ 30-Х ГОДОВ**

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЭТНОГРАФА)

Как известно, с 1926 по 1930 г. в Москве издавался журнал «Этнография». На страницах последнего были опубликованы статьи, внесшие большой вклад в этнографическую науку. Достаточно назвать хотя бы две из них, напечатанные в 1930 г. в № 1—2 журнала: В. Г. Тана-Богораза — «К вопросу о применении марксистского метода к изучению этнографических явлений» и С. П. Толстова — «К проблеме аккумуляции».

В 1931 г. журнал был переименован в «Советскую этнографию», и его издание было перенесено в Ленинград. Журнал был тесно связан с развертывавшим тогда свою работу новым учреждением Академии наук СССР — Институтом по изучению народов СССР (ИПИН). Этот Институт в качестве одной из основных задач выдвигал, как мы теперь сказали бы, «вторжение в жизнь». Он стремился объединить силы этнографов и фольклористов нашей многонациональной страны для решения насущных задач этнографической науки, призванной способствовать поступательному развитию советского общества. Важная роль в этой работе отводилась новому журналу.

Первым ответственным редактором журнала (и одновременно директором Музея антропологии и этнографии и заместителем директора ИПИН) был Николай Михайлович Маторин. Можно с полным правом сказать, что Н. М. Маторин в начале 1930-х гг. был душой всех начинаний в области этнографии в Академии наук СССР. Обладая блестящими организаторскими способностями, чутко улавливая «пульс времени», имея глубокую теоретическую подготовку, Н. М. Маторин — энтузиаст, влюбленный в науку — сумел сплотить вокруг себя всех, кто считал себя этнографом или хотел им стать. И когда в 1931 г. после пятилетней работы по созданию первых научных учреждений в Киргизской АССР я вернулся в Ленинград, то с первых же дней пребывания там я встретил теплый прием, доброжелательную поддержку и внимание со стороны Николая Михайловича.

Его деятельным помощником в организации работы редколлегии, в создании авторского актива, в установлении связей журнала с научными учреждениями и учеными на местах, в получении самой свежей информации обо всем, что происходило на этнографическом фронте, был секретарь редакции Андрей Григорьевич Данилин. С самоотверженным трудом этих ученых были связаны становление и первые годы

существования журнала. Вся работа с авторами проводилась в одном из кабинетов Н. М. Маторина (в МАЭ или в ИПИНе), а часто и у него дома. Здесь рождались все идеи и замыслы, воплощавшиеся потом в очередных номерах журнала. А. Г. Данилин был буквально вездесущим: он успевал договариваться с авторами, получать необходимую информацию, посещать научные заседания и другие мероприятия в ИПИНе и МАЭ, окончательно комплектовать номер, читать гранки...

Как только я приехал в Ленинград и побывал у Николая Михайловича, я тут же получил предложение написать статью об этнографической работе в Киргизии, и она успела попасть в первый же выпуск журнала (№ 1—2). После того, как я поделился с Н. М. Маториным своими впечатлениями о социальных процессах, происходивших в то время в Киргизии, он заказал мне статью на эту тему, которая вскоре и была опубликована («Современное манапство в Киргизии», 1931, № 3—4).

Так же активно редакция стремилась использовать в интересах журнала каждого, кто попадал в поле ее зрения. Мне не раз приходилось наблюдать, как деловито и обстоятельно работал с авторами Н. М. Маторин, как в жарких спорах рождался и формировался тот или иной материал для журнала. Это, конечно, не значит, что номера журнала формировались стихийно. Убедительное тому свидетельство — содержание журнала в рассматриваемый период, когда его страницы украшали такие оригинальные по своим идеям исследования, как статьи В. Г. Тана-Богораза «Классовое расслоение у чукоц оленеводов» (1931, № 1—2) и «Северное оленеводство по данным хозяйственной переписи 1926—27 гг.» (1932, № 4), работы С. П. Толстова «Проблемы дорожного общества» (1931, № 3—4) и «Очерки первоначального ислама» (1932, № 2). Заслуживает внимания практиковавшаяся в те годы журналом публикация в каждом выпуске предполагаемого содержания следующего номера.

Редакция журнала последовательно решала задачи, выдвинутые в программной статье Н. М. Маторина «Современный этап и задачи советской этнографии» (1931, № 1—2). На страницах журнала развертывалась активная борьба с буржуазной идеологией, с чуждыми течениями в этнографической науке, с идеализацией пережитков родового и феодального укладов у народов СССР, за действительную помощь этнографов местным партийным и советским органам в подъеме хозяйства и культуры ранее отсталых народностей и этнографических групп.

Оценивая деятельность журнала и его редколлегии в те годы с позиций сегодняшнего дня, можно было бы найти в ней немало крупных пробелов и недостатков. Но правильнее оценивать ее, учитывая как состояние самой этнографической науки в начале 1930-х гг., так и особенности того этапа общественного развития, который переживала вся страна (развертывание индустриализации, переход к сплошной коллективизации сельского хозяйства и т. д.). Журнал не только ставил и пытался решать некоторые острые вопросы развития самой науки, ее теории и методологии, но и выполнял очень важную для того времени задачу сплочения кадров этнографов и фольклористов, работавших в центре и на местах, играл роль своего рода организатора и пропагандиста этнографии и фольклористики. Его разносторонняя деятельность в те, теперь уже далекие, годы заслуживает высокой оценки.

В редколлегии журнала были представлены ученые Ленинграда и Москвы. С первого же номера редколлегия оповещала читателей о своем авторском активе. В него входили не только сотрудники научных учреждений Ленинграда и Москвы (ИПИНа, МАЭ, Государственной академии истории материальной культуры, Музея истории религии, Института народов Севера, Яфетического института, этнографического отдела Государственного Русского музея, Педагогического института им. Герцена, Института народов Востока, Центрального музея народо-

ведения, Коммунистической Академии, Московского областного музея и др.), но и ученые из других городов страны.

В журнале широко освещались деятельность этнографических учреждений (в том числе музеев), научная жизнь, работа экспедиций; рецензировались последние труды советских и зарубежных ученых.

В разделе «Критика и библиография» особенно активно сотрудничали Д. К. Зеленин и Е. Г. Кагаров; Д. К. Зеленин, в частности опубликовал «Обзор советской этнографической литературы за 15 лет» (1932, № 5—6), Е. Г. Кагаров — статью «Идеалистические и механистические течения в современной буржуазной этнографии» (1932, № 4).

Журнал предоставлял свои страницы для опубликования трудов первых аспирантов ИПИН и МАЭ М. Ю. Пальвадре, Ю. П. Аверкиевой и Л. П. Потапова. Перу М. Ю. Пальвадре принадлежит статья на актуальную тему: «Буржуазная финская этнография и финляндский фашизм» (1931, № 1—2), Ю. П. Аверкиева, прошедшая полуторогодичную стажировку у проф. Ф. Боаса (США) и основательно ознакомившаяся с американской научной литературой, выступила с содержательной статьей «Современная американская этнография» (1932, № 2). Л. П. Потапов, посвятивший многие годы этнографическому изучению народов Алтая, опубликовал крупное исследование «Исторический путь Ойротии» (1932, № 5—6).

К числу положительных сторон деятельности редакции нужно отнести и ее постоянное стремление привлекать к участию в журнале молодых этнографов. Могут это засвидетельствовать прежде всего потому, что и сам (неожиданно для себя) был включен в состав редколлегии журнала, состоял в ней в течение 1932—1933 гг. и участвовал в ее работе, в частности, устанавливая контакты с научной молодежью. Это же подтверждается и тем, что секретарями редакции журнала последовательно работали молодые этнографы и фольклористы А. Г. Данилин, М. И. Шахнович и Н. И. Гаген-Торн, успешно продолжающая свою исследовательскую деятельность в области этнографии до сегодняшнего дня.

Сейчас уже трудно восстановить детали всех событий, связанных с изданием «Советской этнографии» в 1931—1933 гг. (с начала 1934 г. приступил к работе новый состав редколлегии во главе с акад. И. И. Мешаниновым), но хорошо запомнилась та творческая атмосфера, в которой работали редколлегия и весь авторский актив журнала. Можно уверенно сказать, что деятельность журнала «Советская этнография» в 1931—1933 гг. способствовала оживлению фольклорно-этнографических исследований в нашей стране.

«SOVETSKAYA ETNOGRAFIYA» IN THE THIRTIES (AN ETHNOGRAPHER'S REMINISCENCES)

The paper comprises an ethnographer's reminiscences about the activities of the «Sovetskaya Etnografija» during 1931—1933.